Gulewicz family

Когда совершеннолетняя дочь задает мне неудобные вопросы о своем внутреннем мире, подверженном постоянным колебаниям не только гормональной природы, все коллизии обычно объясняю универсальной отговоркой (проводя параллели с героями сериала Adams Family) - "Ведь мы же - Гулевичи!". Дочь, Алеся, привыкла и теперь, что бы ни случилось в своей далекой Дании, оправдывает свои этой же универсальной фразой.

Ведь если задуматься - действительно, а кто мы - Гулевичи? Неужто в самом деле мантра исключительности имеет под собой твердую почву?

Для этого надо сделать несколько шагов вниз, по поколениям.

Мой гомельский дедушка был видным парнем. Высоким, крепким и сильным. Даже в свои 70 лет сила его рук, закаленных веслами и лопатой (естественные забав пенсионера) была непререкаемой. Эту силу (стыдливо сообщают семейные хроники) регулярно испытывала на своей пояснице бабушка. Эту же силу, как мне кажется, подспудно чувствовали мы, когда дед Миша раздавал внукам скупые ласки патриарха – в его теплых ладонях рыбака и специалиста по разведению помидоров на продажу лучилась любовь, но при этом чувствовалась и сталь.

До начала 30-х годов XX века дедушка считал себя поляком, но к 37 году эта уверенность у него таинственным образом испарилась (а дед тогда в Чечерске тюрьмой руководил местной вроде как - семейные архивы на удивление скупы в таких интимных местах), вместе со знанием языка католических служб. В тяжелы годы репрессий Михаил Викентьевич уверенно вступил 100% белорусом.

Эта хитрость, как и многие другие, испробованные дедом в годы плановых истреблений населения ведомствами, солидарными с НКВД, и в последующей войны с фашистами, позволила моему пращуру выжить. И не только уцелеть, но и обзавестись еще одной семьей и дочерью в украинских Черкассах где-то в 1942-43. Признанию этого плода оккупации по возвращению к бабушке, жене коммуниста, пережившей войну с 5-тью детишками на руках, существенно способствовал авторитет деда и толерантные скидки пост-военного общества на тяжелые времена.

Вот такой настоящий дед был у меня. На первом фото он со стулом, еще поляк. На следующем – уже белорус в годах: на фото дед центре, в окружении сынов. Там есть все, кроме моего папы ... впрочем, как всегда. Папа, наверное, тогда был на рыбалке или учился в очередных партийных университетах. А может, просто держал фотоаппарат в умелых руках провинциального редактора районной газеты (тогда ещё).

Тема рыбалки в Гомеле звучала не зря. На Соже (приток Днепра) была серьезная рыба. И сам Сож подле Гомеля не река, а мощная и щедрая артерия, с затоками, старицами и притоками. С утра до вечера в советское время ее бороздили буксиры с баржами, «Ракеты» и бесчисленные «казанки». Дед тоже, как и все местные пикейные жилеты, имел лодку и, соответственно, с весны по осень – ежедневную рыбалку. Выезжая с рассветом «на шнур», дед возвращался с первыми лучами солнца, неся корхину, пахнущую рекой. К пробуждению многочисленных внуков бабушка уже успевала обработать речной урожай и к завтраку нас ждала рыба жаренная, рыба варенная, а то и заливная. Котлеты из лещей и рыбы фиш не делали – не было такого в заводе. Рыба и река так плотно входила в нашу внучью летнюю жизнь, что когда я читал первый раз «Старик и море» Хэмингуэя, я вполне четко представлял себе море в середине Сожа, а большую рыбу, с которой у старика образовалась незримая связь – в виде вполне приличного размера сома.

Дед выстроил в огороде частного дома, в Интернациональном переулке, криво спускающегося мимо автомобильного моста к пристани, для внуков два отдельных домика, назвал их «теремками». Летом там собиралось до десяти орущих, бегающих и вытаптывающих грядки внучат. Мне кажется, дед был счастлив, наблюдая рядом с собой такую неспокойную биомассу. Он непростым человеком был. Но именно такие, видимо, и умели выживать, преодолевая, где надо и приспосабливаясь, где преодолевать было бесполезно. На пенсию дед вышел с начальника коммунального хозяйства, был большим боссом, получается. Настоящи государственным топ-менеджером. Хозяйственником!

Что интересно – говорил дед только по-русски, что отличалось от подхода моих родственников по маминой линии, в устах которых белорусский звучал естественн языка большого брата. Язык у деда был чистый, не тросянка. Иногда, правда, дед мог ввернуть польское словцо или фразу. Но появлялись они как отголоски какого-то другого времени, как цитаты из далекой прошлой жизни. Правда, и газеты по-польски, говорят, дед читал. Только я вот думаю – откуда они там в Гомел были – газеты эти. Глупости это все. Скорее всего, это следы церковной образовательной деятельности католической конфессии, которая паразитировала в Рудне Столбунской, откуда дед родом. Умный он был все-таки был дядька, даром что образования в нем было немного, не считая курсов повышения квалификации партхозактива. Это было типично для того времени, впрочем.

Положа руку на сердце, необходимо признать, что если к внукам дед относился с пиететом и всей щедростью сбереженной любви, к детям своим он был не столь лоялен. Был жестоким мужем, отцом и частенько самодуром. Будучи человеком настроения, часто терроризировал семейных по мелочам. Вечно искал себе врага - жить без него не мог. Врага внутреннего – то жену, то дочь, то сына какого (благо их было четверо), которого надолго назначал на это пост. Так ему было легче жить и бороться со своей паранойей. Но, несмотря на это, он был настоящим мужчиной и столпом. Вокруг него все выстраивались и консолидировались. Застолья были такие (когда собирались все родственники, сыновья с невестками, сестры-братья деда и бабушкины – из Прудка), что некоторым свадьбам было стыдно сравнивать длину своих столов и количество тостов с нашими. Когда деда не стало, рассыпался этот незримый стержень. И внутренняя тлеющая вражда и соперничество, так ловко подмеченные в описании Гулевичей XVI века в материалах фамильного сайта, созданного заботами Андрея Гулевича, прорывались сквоз

столетия в своем первобытном отвратительном обличье. Без деда братья и сестры как будто отклеились от ствола семейного дерева. Прекратились и собрания внуков и совместные встречи братьев, разбросанных к тому временем службами и работами далеко друг от друга. Наступило время диссоциации, которое продолжается и по сей день.

А вот прадедушка Винцент, отец деда Михаила, в отличие от самого деда, не баловался с национальностью. Он был уверен, что родился поляком и умрет им. Хотя по рассказам очевидцев, был прадед жаден не по-славянски. Даже яблоко из своего сада внукам не мог подарить. Но зато готов был продать. Правда, у внучат денег в их годы отродясь не было и быть не могло.

Приходилось воровать у родного деда. За это внуков били родители. Но били не очень сильно - деда Винцента не любили. А чего его любить, скавалыгу - он к том же был и малосимпатичным субъектом - маленьким щупленьким злюкой. Вот таким, как на фотографии (он справа на лавке крайний, а отец мой рядом пристроилс – тогда еще подросток с вихрами. Там, на лавке, еще есть бабушка моя Мария (Шуликова в девичестве)- в центре, слева ее сестра Полька, совсем с краю - Михаи мой дядька, пенсионер-алкоголик). В самое дальнее время они все жили в Рудне Столбунской, где-то на краю Гомельской области, чуть ли не в Могилевщине и рядом с Брянщиной.

Вот как пришли в XVI в эти места «из-под Люблина – слова деда» вместе со Скоропадскими/Шкуропацкими (Skoropadsky?) и еще людьми какой-то другой такой ж на "ий" фамилией (надо будет у папы спросить - забыл), так и жили себе спокойно.

Зарабатывали Гулевичи, судя по всему, первое время руками. Из торфяной жижицы болот извлекали бурые шарики окисленной железной руды и перековывали их в железо. До поры до времени. Демидовские предприятия на Урале уже в начале XIX века свели на нет эту цеховщину промышленными поставками высококачественного чугуна и железа. Пришлось, как я понимаю, перейти к более аграрному укладу – к земледелию. Но появление в Северо-западной области империи советской власти и большевиков значительно изменило это патриархальное спокойствие и отвадило от демонстративного почитания католической церкви Гулевичей достаточно быстро. Дунули братья деда моего в Америку, да там в большинстве своем и остались – от Канады до Аргентины. Один из них, американец, приезжал в гости в начале 60-х, ручки шариковые невиданные дарил да жевательную резинку, о чем писалось в районной прессе. Но его приезд в тоталитарное время был воспринят несколько настороженно, скомкано, и регенерация отношений не состоялась.

С другой стороны, положа руку на сердце, нашему семейству эти события дали толчок - будь здоров! Засиделись они на гомельщине. Дед, типичный крестьянский сын, прошел высокой карьерой чиновника selfmade, его дети тоже не мелочились в постах и должностях.

Даже папка мой, хотя родился в 1942 и голодал в те годы, когда надо было получать избыточное питание для роста и укрепления костей и волос, в грязь лицом не ударил (на фото он - бравый сержант СА). Успел и по литературно-публицистической части, и по административной. Был замечен и благосклонно принят в ряды, затем и в нужые списки.

Этот факт помог семье пережить дефицитные годы перед перестройкой с мебельным гарнитуром из Румынии и цветным телевизором "Темп". Отцовский путь от редактора «районки» в белорусском Полесье (г. Хойники) до дипломата (через «Советскую Белоруссию», помощника Председателя Совета Министров БССР и зам директора «БелТА») на излете карьеры привел отца в Москву дипломатом в белорусское посольство.

Через эти обстоятельства и предоставленный плацдарм отца в виде кока-места в центре столицы в Москву на ПМЖ переселялся и я в свое время, очередной волно иммиграции, в прежнем растре векторов: от Минска - на северо-восток.

Причем, кроме службизма, энергии отца хватало на спорт – он умудрился оторвать десяток первых и вторых разрядов от плаванья до игровых командных и даже вроде как занять призовое место на чемпионате БССР по гребле на байдарке. На семью, кончено же, хватало в обрез – тем более приходилось Высшую партийную школу заканчивать, что-то постоянно писать и т.д. Но так было у многих коммунистов, искренне уверенных в неизбежности развитого социализма.

Но, что интересно, самая главная связь поколений, которую я подметил среди всех перечисленных представителей 5-х колен (включая меня и моих детей) - это всепоглощающая страсть к музыке.

Дед с приятелем на архивном фото соседствует с доисторическим баяном. Пусть не он его держит в руках, но я почему-то уверен, что Михаил Викентьевич был большим специалистом по практическим навыкам применения ритма. Наверняка он любил и любил аккорды мажорного назначения. Пел ли он – не помню, но выпить любил. Умел и знал как. И никогда не отказывался от «законного». На войне приучился, что ли…

Не прошло и ста лет, как отец мой родной, Владимир Михайлович, младший из сыновей Михаила Викентьевича, был замечен в чистом поле с музыкальным инструментом практически аналогичного генезиса.

Вот такие патриархи в нашей семье. Все - настоящие Гулевичи. Поляки, произведенные в Белоруссии по лицензии ЕС, с прошивкой мозгов на русском языке. Удобные в обращении, экономичные, неплохого дизайна, мощные и обладающей высочайшей степени адаптивности и приспособляемости к любым внешним условиям.

Заклятые неразлучники - братья и сестры в семье (сказывается запал Винцента!), разновредные и неприлично долго живущие. Живущие, несмотря на всякие социально-общественные и экономические формации, налоговые кодексы и политические режимы. Несмотря на болячки и перманентные жалобы на здоровье (бабушку в прошлом году похоронили на 99 году жизни - покойся с миром! – но она ж не Гулевич по крови).

Только эти обстоятельства дают мне относительный оптимизм по поводу того, что все наши Гулевичи-носители гаплогруппы I2a2b, пришлые балканцы, строители греческой и римской цивилизаций, расселившиеся по побережьям всей Европы, зависимой от Гольфстрима, не только переживут экономический кризис, но и выйдут из него более сильными и сплоченными. Кто как не мы? Ведь именно наша кровь в современной России составляет всего лишь 4% - это просто почти что флуктуация на фоне великороссских R и N. Кто же мы как не варяги? Да, не спорю, характерец у нас еще тот, зато и запал и энергия жизненных сил зашкаливают выше разумных рамок.

А в начальники мы не лезем – нас выбирают товарищи. Потому хоть мы и злонравны в семейном быту и «живем паскудно», но умираем красиво. Потому что стихи борьбы и выживания – это наше. А семья – слишком тяжелый труд для наших мятущихся мозгов и неспокойной души. Семя наше сильное, спасибо прародителям, мутировавшим в динарских Альпах. Вот и ищет оно себе заботы и полячны для самореализации.

Дочь, если ты читаешь эти слова... теперь тебе все ясно?! В своем теплом и сыром Копенгагене не забывай, что ты настоящий Гулевич, и что у тебя растут два брата, а там, глядишь, и еще сестричка получится. Нас должно быть много. Я мечтаю, что когда я стану настоящим дедом, в моем огороде возле дома, который я сейчас строю еще дальше на восток от Рудни Столбунской, от Минска, Москвы, в Луховицком районе Московской области, будут топотать десятки внучьих ножек и звучать детские голоса. А рыбу я им в Оке наловлю, будьте уверены. И огурцов знаменитых луховицких выращу. И стол накрою с бульбой и своими наливками, и первый тост подниму за наших патриархов, которые жизнь честную видную прожили, и нам, Гулевичам XXI века жизнь дали. И скажу всем собравшимся, которые благоговейно будут внимать словам моим, вырывающимся из-под степенной седой бороды, напущенной на домотканую бумагу с вышивками крестиком по вороту: «За вас, Гулевичи! За нас!». И повторю. На русском, белорусском и польском. На всякий случай.

Руслан Гулеви